

Всех выучила в школе, довела до десятого класса, а затем отдала в техникумы — я стала строителем (восстанавливала и отстраивала заново курские заводы, жильё, за что получила звание «ветерана труда»), сестра — техником — электриком, прибористом. Надо было уходить на самостоятельные хлеба, чтобы как-то помочь маме содержать семейство. Мама старела, болела... И хотя мы росли в лишениях, не — достатке еды, одежды — одного мы не были лишены — материнской любви, ласки, жалости. Мы помогали маме, как могли: ходили в лес (Мокву) за хворостом для печурки, несли его, сгибались под тяжестью вязанки через овраги и буераки; собирали на пригорках первый щавель, а потом ягоды — всё шло в голодный рот.

Сколько ведер воды было перетаскано в наших неокрепших руках и согнувшихся от такой тяжелой ноши — двух ведер на коро — мысле на детских и вдовьих плечах, когда мы сажали и выращивали овощи на выделенной для этой цели государством участке земли на «куличе» (цыганский бугор). Я, как самая крепкая в семье, колола дрова, чистила снег с крыши, заодно и прыгала с неё — как с парашютом на войне — с зонтиком. Пользуясь папиным инструментом, прибивала доски, заколачивала гвозди не хуже мальчишки. Не потому ли потом стала строителем, что занималась этим с детства по необходимости?

Сколько было радости, когда на одну из пасх мама сшила нам из парашютного шёлка всем троим одинаковые простые платяца, купила тапочки на верёвочной подошве! И хотя государство в дальнейшем помогало сыновьям погибших — разрешило бесплатное обучение до 10 класса, давало одежду из гуманитарной помощи, при — сланной из Америки, Англии, платило небольшую пенсию — мы всегда ощущали отсутствие отца в семье, были лишены его ласки, заботы, помощи, защиты. Моя мама, Гужицкая Мария Васильевна, не хотела приводить в дом отчима для нас и ради нас. Она заменила нам отца во всём, она нам щедро отдавала всё за себя и погибшего отца. Помня желание отца видеть детей всесторонне развитыми, живущими полной духовной и творческой жизнью — она разрешала и благословляла нас заниматься в кружках, доступных тому поколению молодёжи, которое осталось после войны. Спорт, музыка, стихи, книги, посещение театра, песни, танцы — всё поощрялось ею, хотя порой было нелегко выделить какую-то копейку на эти цели. В доме собиралась молодёжь (наши товарищи по учёбе, спорту), пелись песни,

романсы, ставились отрывки из оперетт. «Как бы радовался папа, если б он видел вас!». «Как бы огорчился папа!...» — говорила мама — мочка, когда мы шалили.

И вот мы выросли, обрели свои семьи, разъехались из родного дома. Но то, что дал в начале жизни отец — пусть в письмах, пожеланиях, по наследству, а затем развила мать — осталось в нас до конца. Мы все добросовестно работали: учили, лечили, растили своих детей (а теперь и внуков). Жили полной жизнью, не только имея продукты в холодильнике, (бывало и без них, особенно на комсомольской стройке за Уралом!) — мы собирались вместе сначала помянуть отца, а затем и маму. Она умерла 9 мая. Осиротели мы первый раз, когда умер отец, второй раз — в 1981 году мы осиротели совсем. Мы пели их любимые песни. Плакали, но пели. Это был лучший реквием нашим родителям...

Прошло столько лет, а со временем боль не утихает. Всё помним как вчера: летящие, светящиеся красивые фонарики на небе, которые потом превращаются в смертоносные, разрушительные бомбы; топот кованых сапог немцев по дощатому полу, наводящих ужас своим видом и каркающим языком — разговором на беспомощных женщин и детей; голодные, холодные дни и ночи, когда шкурки от картошки, испеченные на металлической печурке, кажутся невероятным лакомством; и слёзы мамы — радости и горя, а потом — гордости за нас. Она выжила в борьбе с фашистами. Жизнь продолжается в дочерях, внуках и скоро — правнуках...

Вечная память им, и горе тем, кто забудет всё произошедшее! Все они герои!

Я стараюсь донести до своей молодёжи те принципы, жизненные отношения, уклад, что так самоотверженно защищали и прививали нам наши родители. И теперь, когда жизнь в нашей стране так резко изменилась, когда обижают стариков, плюют на детей ради несметных богатств — мне страшно становится за своих детей! За что погиб мой отец? Ему было 35 лет! Кому нужна была эта жертва, если дети его под конец жизни стали нищими, хотя всю жизнь (по 40 лет) трудились для Родины. Из последних писем отца: «Иду в бой, не слышу свиста пуль, (после контузии), пальцы левой руки не сгибаются..., но я готов пройти ещё большие муки, лишь бы вы, мои девочки, жили счастливо и спокойно...» ... Фашистов победили, а свои же, русские, нас уничтожают. Горько и обидно.